

Б. И. Каракулов (Глазов)

Проблемы составления учебного пособия для изучения удмуртского языка как неродного

Реформированием общества в обстановке духовного национального подъема с конца 80-х–90-х гг., открытием территории Удмуртской Республики для иностранцев, вследствие чего укреплением связей с зарубежными вузами, обновлением национальной школы, введением национально-регионального компонента в учебные программы, а вместе с тем с поставленной задачей воспитания многоязычной личности, проблемой реализации учебных программ, выстроенных на бикультурной, билингвальной и поликультурной основах стали актуальными задачи составления учебного пособия для изучения удмуртского языка как неродного. Причем эти пособия стали востребованы разнообразной и широкой аудиторией: их различия касаются возраста учащихся, уровня знания ими удмуртского языка, первоначальной лингвистической подготовки, базового родного языка.

К периоду перестройки, проводившейся национально-языковой политикой в Удмуртской Республике, власти обращали недостаточное внимание на развитие языка титульной нации, они не видели и ту его громадную роль, “которую имеет именно изучение родного языка в создании образованного человека” (Л. В. Щерба). Тем самым фактически были утеряны традиции обучения и воспитания и в удмуртской школе, заложенные еще в 20–30-е годы удмуртской интеллигенцией. В условиях удмуртско-русского двуязычия очень многими удмуртами первый стал восприниматься языком “низшим”, а второй – “высшим”. Даже преподавание русского языка как неродного в национальных классах школ и в удмуртских группах вузов сегодня также не ведется, а в практике обучения русскому языку, как и в советское время, преподаватель не использует знания родного языка обучающихся. И сейчас целенаправленная систематизация типологических исследований русского и удмуртского языков и разработка методики их преподавания нам не известны.

Поэтому и для преподавания удмуртского языка как неродного к концу 80-х–90-х гг. языковеды и методисты фактически были не готовы как с точки зрения теории, так и методики. Сегодня получаемые знания как в средней, так и в высшей школе оцениваются иными критериями: школа перестала давать обучаемому какие-то “завершенные знания”, она в силу своих возможностей помогает ему научиться ориентироваться в информационно открытом мире, быть коммуникабельным и толерантным с представителями различных культур и языков, самосовершенствоваться в течение всей своей жизни: освобождаться от устаревшего знания и осваивать то, что стало важным на новом этапе общекультурного и научного развития. Важно с этой позиции рассмотреть роль учебников в процессе обучения.

В последнее время роль и место учебника в образовательном процессе заметно изменились, но в преподавании удмуртского языка он остается основным источником учебной информации. Поэтому понятие “качества учебника” волнует не только учителей и ученых-удмуртоведов. Эта проблема в какой-то мере нашла отражение как в документах, принятых Министерством образования и науки Удмуртской Республики, так и в “Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации” Министерства образования и науки РФ от 2006 г., которая основывается на принципах, положениях и нормах Конституции РФ, Закона РФ “О языках народов Российской Федерации”, закона РФ “Об образовании” и других документах, которыми с начала 90-х годов регулируются этнонациональные проблемы образования. Эти документы в новых исторических условиях определяют механизмы государственного регулирования межэтнических и этногосударственных отношений в целях сохранения единства России и развития культур и языков ее народов.

Однако по заказу Министерства образования и науки Удмуртской Республики идет составление и публикация учебников для изучения удмуртского языка только для общеобразовательных школ. Пособия для других категорий желающих изучать удмуртский язык как неродной сделаны в основном на основе самоинициативы самих авторов, без прямого социального заказа. Объектом нашего внимания стали именно эти последние пособия для взрослой аудитории.

Проблема отсутствия пособий для изучения удмуртского языка начала решаться с выпуска разговорников: в 1991 г. выходит в издательстве “Удмуртия” “Удмуртско-русский разговорник” Б. Ш. Загуляевой. В 1997 г. – в издательстве Глазовского пединститута “Русско-удмуртский разговорник” Б. И. Каракулова. Нужно заметить, под изучением удмуртского языка подразумевается знакомство с его высшей формой – литературным языком, со всеми его часто используемыми формами и вариантами. В этом плане, нам показалось, не совсем удачно представлен удмуртский язык в разговорнике Б. Ш. Загуляевой, где в основном присутствуют формы, исходящие из южноудмуртских диалектов.

В последующие годы изданы:

1) *Загуляева Б. Ш., Решетникова А. Е.* Дуно эше: Удмуртский язык для учащихся старших классов общеобразовательной школы и взрослых: интенсивный курс. Ижевск: Изд-во Удм-го ун-та, 1998. 222 с. (тираж 1000 экз.).

Издание осуществлено при финансовой поддержке общества М. А. Кас-трена.

2) Ганеев И. В., Перевозчиков Ю. А. Марым, лэся...: Удмурт кыл ны-рысь кутскисьёслы. Дышетскон ёзэт. Ижевск: Удмуртия, 2005. 204 с. (ти-раж 1000 экз.).

Издание осуществлено при финансовой поддержке Республиканского молодежного объединения "Шунды", удмуртского объединения "Ошмес" (Эстония), Министерства образования и науки Эстонской Республики.

3) Каракулов Б. И. Учимся удмуртскому языку: Учебное пособие / Б. И. Ка-ракулов; Глазов. гос. пед. ин-т. 2005. 44 с. (тираж 300 экз.); 2-е изд., перераб. и доп. Глазов, 2007. 64 с. (тираж 300 экз.).

Издание осуществлено на личные средства.

4) Кондратьева Н. В., Федорова Л. П. Удмуртский язык: Начальный курс: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / УдГУ. Ижевск, 2006. 98 с. (тираж 250 экз.).

Издание осуществлено при финансовом содействии студенческого обще-ства университета г. Хельсинки (Финляндия).

5) Бульчева Е. А. Тренировочные задания по развитию навыков устной ре-чи (на материале удмуртского языка): Учебно-методическое пособие / УдГУ. Ижевск, 2007. 30 с. (тираж 100 экз.).

Все перечисленные пособия рассчитаны на начинающего изучать уд-муртский язык, поэтому имеют небольшой объем. В этом плане отличаются учебники Загуляевой Б. Ш., Решетниковой А. Е. и Ганеева И. В., Перевозчи-кова Ю. А. Первый учебник отличается еще тем, что он разработан по методу Г. А. Китайгородской и представляет интересные тексты, имеющие лингво-страноведческий характер, диалоги, различные задания для закрепления и грамматические комментарии.

Пользователем учебника Ганеева И. В., Перевозчикова Ю. А., в отличие от других, может быть и нерусскоязычный, иностранец, не знающий русско-го. Этому способствует составленный словник используемой лексики на уд-муртском, русском и английском языках. Правда и для русскоязычного и англоязычного читателя словарь не имеет безукоризненный характер: одни лексемы можно было опустить, другие, встречающиеся в текстах, ввести. Например, нужны ли слова *авокадо*, *архитектура*, *аэропорт*, *интернет*, *конференция*, *компьютер*, *педагогика* и т. д. В то же время отсутствуют: *ма-дёс* (17), *мальдины* (15), *мальдыт* (19), *огсырлык* (22), *сьёркун* (10), *тузй* (17), *чакланы* (16) и т. д. Некоторым словам дан неточный перевод: *ныл* (4) 'дево-чка, девушка, дочь', *пи* (4) 'мальчик, парень, сын'. В значении 'дочь' и 'сын' используются другие слова – *нылы*, *пие*. *Тупаны* (10) 'договориться, быть как раз', в тексте имеет значение 'ладить' (с.113).

Данное пособие выигрывает еще сведениями из грамматики, диалогами, некоторыми интересными заданиями для закрепления.

Кондратьева Н. В., Федорова Л. П. в своем учебнике дают 15 уроков. Эти авторы в основу обучения ставят классическое направление: в начале каждо-го урока даются грамматические сведения, затем – диалоги и разнообразные задания.

Представляется, грамматические сведения в разобранных пособиях не всегда учитывают последние достижения удмуртской лингвистики, а сокращенные грамматические комментарии неадекватно отражают современную лингвистическую реальность.

Например, знакомство с разделительным падежом мы предлагаем начать с его формы, имеющей суффикс *-лэсь* и способной стоять и при именах, и при глагольных формах.

Приименные формы, чаще выражая принадлежностные отношения, могут выступать:

а) в функции определения при прямом дополнении: *институтлэсь ректорэзэ пумитай* ('Я встретил ректора института').

б) перед именем, использованным в функции предиката, может выступать также в роли определения, но не обозначать принадлежностные отношения: *одйг ти – титэмлэсь ти* ('Один сын – не сын').

в) При прилагательных и наречиях образуют сравнительные обороты: *лымылэсь но тодьы кышетэ* ('мой платок белее снега'), *шундылэсь югыт* ('ярче солнца').

Приглагольные формы выступают:

а) в роли косвенного дополнения. Чаще глаголы типа *висьяны* 'разделить (от чего?)', *палэнскыны* 'отдалиться', *пегзыны* 'бежать', *юаны* 'спросить', *кышканы* 'бояться', *возьманы* 'охранять', *лэсьтыны* 'делать, изготавливать', *пуктыны* 'строить' управляют разделительным падежом: *Бен малы адямиос мы-изьтым пегзо, ватско? – юаз со.* ('Да почему же люди от меня убегают, прячутся? – спросил он'); *Корка кирпичлэсь пукто* ('Дом строят из кирпича').

б) в роли обстоятельства. При глаголах состояния показывает причинно-следственные отношения: *пеймытлэсь кышказы* ('испугались темноты'), *пужмерлэсь кымизы* ('замерзли от инея'); *юос йёзорлэсь погразы* ('хлеба полегли от града').

Пособие Е. А. Булычевой представляет хорошие для изучения языка тексты, имеются интересные задания, но нет толкования грамматики. Мне представляется, данное пособие полезно использовать обучаемыми, имеющими определенные знания грамматики удмуртского языка, для систематизации своих знаний и закрепления материала.

Известно, что грамматика каждого языка имеет свои особенности, и овладеть чужим языком без знания его грамматики невозможно. В идеальном варианте пособиям следовало бы учитывать грамматику родного языка каждого учащегося, выявлять отличия двух грамматик (русского и удмуртского, немецкого и удмуртского, английского и удмуртского и т. д.), а уже потом описывать особенности удмуртской грамматики. То есть в обучении и написании пособий мы предлагаем использовать метод сопоставления. В отличие от других пособий, в пособии Б. И. Каракулова задания составлены на основе сопоставления русского и удмуртского языков, также некоторые грамматические темы в нем нашли определенную систематизацию.

Как известно, изучающие грамматику другого языка сталкиваются с трудностями троякого рода:

1) с проблемой передачи значений категории, имеющейся в родном, но отсутствующей в изучаемом языке, например, категория притяжательности в удмуртском;

2) с задачей правильно использовать категории, имеющиеся в изучаемом, но отсутствующие в родном языке, например, категория рода в русском;

3) с проблемой использования категории, когда она есть и в родном и в изучаемом языках, но в них содержание категории различно, например, категория падежа имени в удмуртском представлена 15 падежами, а в русском – только 6.

Понятно, на этот факт обучающий должен обращать внимание. А моменты сопоставления с грамматикой родного языка учащихся только повысят эффективность урока.

Знакомство с новым грамматическим материалом предполагает выявление форм и его значений, а при сопоставлении грамматического материала, представляется, лучше идти от значения к форме, а в работе с текстами учащиеся будут выявлять формы и определять их значения. Поэтому и в учебных пособиях считаем целесообразно давать все значения, известные в литературном языке. Причем их порядок подачи должен зависеть от частотности и неограниченности использования, для чего назревает необходимость составления частотных словарей. Причем от частотности использования должен зависеть и порядок знакомства с общими грамматическими категориями.

Так пособие И. В. Ганеева и Ю. А. Перевозчикова "Марым, лэся..." знакомит с образованием форм множественного числа посредством суффиксов *-ос, -ёс* (2 урок), но не обращает внимания на то, что формы ед. числа в удмуртском могут использоваться и в значении множественного числа. Дальше на следующих уроках такие примеры всплывают, например, *вал тинь* (с. 36), *Туганэлы сясыка бичасько* (с. 39), *Киоскын газет вузаське* (с. 64), *Анае фермаын скал кыске* (с. 64), *Выны ыж возьма* (с. 64), этот вопрос поэтому нельзя оставлять без внимания.

Знакомство с категорией падежа в удмуртском языке тоже должно идти с учетом частотности использования каждой формы. В удмуртском языке категории творительного и винительного падежей относятся к часто используемым, поэтому они должны быть объяснены не позже 5 или 6-ого урока. Эти темы не совсем удачно даются в учебнике И. В. Ганеева и Ю. А. Перевозчикова. Тема о творительном падеже идет 12-м уроком, а о вин. падеже – только 10-м уроком. Хотя до этого урока (с. 63) в их же учебнике мы находим 59 примеров с использованием формы вин. падежа (см. сс. 28, 30, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 53, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62).

Для лучшего запоминания грамматического материала целесообразно подавать его в системе, где необходимо также нужно учитывать форму и значение. Так например, отдельная лексема – наречие *тэк* и морфема *-тэк*, используемая как в структуре имен, так и глаголов, имеет одинаковое значение – отсутствие чего-то: *книгатэк* 'без книги', *тэк пуке* 'сидит без дела', *тод-матэк вераськыз* 'не узнав поговорил'.

1. Лишительный падеж используется:

а) в функции косвенного дополнения: *Тылтэк чын уг луы* 'Дыма без огня не бывает'; ...*Няньтэк кадь, чебертэк но улыны Дунне вылын ноку ой вал капчи* (Ф. Васильев);

б) в роли определения: *нылтшэк улон мӧзмыт* 'Жизнь без детей скучная'.

2. Употребление деепричастия с суффиксом *-тэк*. *Ортчо соос (солдатыёс – К. Б.) граница валлентий, Тушмон пытты ноку но уз кылы адзытэк* (Ф. Васильев).

Для выявления культурно-национальной специфики также полезно давать фольклорный материал, например можно использовать следующую работу:

Переведите следующие фразеологизмы, подберите соответствующие им русские фразеологизмы: *Йырез жсуткатэк ужаны. Тусьтызэ учкытэк, сиё-нэ эн жузы. Тусьты-пуньы но жингыртытэк уг улы.*

Также причастия и деепричастия на *-мон* лучше давать в сравнении, хотя бы в грамматических заданиях.

Деепричастия на *-мон* обычно употребляются для обозначения действия как результата действия, выраженного глаголом-сказуемым. Такие деепричастия и их конструкции указывают на то, в какой мере долго, много происходит действие или, выражая действие как следствие другого действия, обозначают качественный признак последнего: *Пёсямон ужаз; Йыры висьымон сюлмаськи; Вань юртъерьёс зуркамон, пушкаос огвадес ыбылзы* [Блинов].

Причастия на *-мон* употребляются для оценочного обозначения качественного признака предмета и указывают: 1) предмет субъекту (объекту) нравится или может понравиться: *(мыным, эшелы) синмаськымон налаш, лыдзымон книга*; по семантике производящего глагола производные причастия на *-мон* могут также указывать на возможность выполнения действия: *нунал куспын лыдзымон книга 'эту книгу можно прочесть за день', мыным басьтымон пыдкук 'я в состоянии купить эту обувь; у меня для этого достаточно денег'*.

Поэтому представление значений причастий на *-мон* в пособии И. В. Ганеева и Ю. А. Перевозчикова "Марым, лэся..." не совсем удачно, в них хотя и выделены два пункта, значения в них не различаются. *Кузьмамон сяська* = 1) *сяська, кудзэ кузьманы луэ (яра)*; 2) *кузьмано кадь, кузьманы ярась сяська*.

Пособие И. В. Ганеева и Ю. А. Перевозчикова "Марым, лэся..." страдает и тем, что тексты не всегда удачно подобраны, они сложны, а их лексика дается в отрыве от основной работы, в дальнейшем на других уроках она уже не используется, см. например "Перепеч пöран рад" (11 урок).

Запоминание лексики эффективно, когда материал повторяется, подается в синонимических и антонимических отношениях.

В подаче новой грамматической темы уроков при знакомстве с конкретными падежами дается простое и притяжательное склонение, нам представляется, не совсем удачен пример на простое склонение, когда присутствуют примеры с *эш* 'друг, подруга'. Это слово без притяжательного суффикса используется редко (например, *Соку ик эш уд лу, Эш ке вань, мöзмыт öвөл, Эшез коньдонэн уд басьты, Эштэк юон но мöзмыт*), значит некоторые приведенные в учебнике формы простого склонения этого слова искусственны.

Также замечаются отдельные примеры использования простого склонения вместо притяжательного: *лымез сйатэ* (с. 68), нужно: *лымзэ сйатэ*.

В пособии И. В. Ганеева и Ю. А. Перевозчикова "Марым, лэся..." замечаются и фактические ошибки: *ми* = *мон* + *со* + (*со*), *асьмеос* = *мон* + *тон* + (*тон*) + (*со*) + (*со*) (с. 20), нужно: *ми* = *мон* + *тон* (*тй*), *асьмеос* = *мон* + *тон*.

В пособии замечены и орфографические ошибки: *Россиалэн* (с. 87), *мафиялэсь* (с. 87), нужно: *Россилэн, мафиялэсь*.

Для отдельных предложений некоторых заданий нельзя найти подходящий ответ – приведенное слово (1 задание, пункт 2, с. 62).

В методике преподавания иностранных языков в последнее время успешно внедряется социокультурная концепция, получившая базу в лингвострановедческой теории, которая в нашей стране широко используется уже с 1970-х годов. В процессе ее внедрения на фоне изучения лингвоосновы у обучаемых также формируется страноведческая и культуроведческая компетенция. Обучаемые другому языку максимально должны проникнуть в национальное самосознание соответствующего народа – носителя другого языка, приблизиться к его видению “образа мира”, заметить в изучаемом языке особенности отражения окружающего мира.

В советской системе методики преподавания языков выработка культуроведческой компетенции многими не признавалась, что приводило к искажению картины видения мира народа.

Так русское выражение “*Здравствуйте!*”, произносимое восклицательной интонацией, означает не только приветствие, но и пожелание здоровья. Поэтому, кончая передачу, журналист может прощаться со своими радиослушателями тем же словом “*Здравствуйте!*”.

А в удмуртском слове приветствия “*žечбур*” или “*žечбуресь*” идет вопрос о здоровье, оно имеет вопросительную интонацию. Поэтому данное слово со значением вопроса никак не может оформляться в словосочетание с именем в дательном падеже по типу русского выражения “*Привет всем*”. Однако журналист можгинского радио приветствует своих радиослушателей: “*Žечбур ваньдылы!*”.

Учебник “Анай кыл” для 2 класса (Ижевск: Удмуртия, 1995) А. Н. Журавлевой, Ю. П. Байсаровой также исходя из русского обычая пожелания здоровья, объясняет слово *žечбур* (с. 25).

В пособии для 2-го класса “Лыдзон книга” В. Г. Широбокова, А. С. Семеновой, Т. С. Ивановой (Ижевск: Удмуртия, 2004. С. 66–67) приводится перевод рассказа В. Сухомлинского “Шумпоттйсь кыл”. Этот же перевод дается Н. П. Боталовой в учебнике для 3-го класса “Žеч-а, бур-а, удмурт кыл!”

“*Пересь кышно вуиз.*

– *Žечбур!* – *вазиз пияш.*

– *Žечбур!* – *вазиз атай.*

– *Žечбуресь, – шуиз пересь но пальпотйз*” (с. 72).

Нужно заметить, в современной ситуации вежливое обращение к старшим, незнакомым и пожилым в удмуртском языке, как и в русском, идет на Вы. Поэтому форма приветствия пожилой незнакомой женщины должна быть как со стороны мальчика, так и со стороны его отца в форме “*Žечбуресь!*”.

В 6-ом задании последнего учебника из газеты “*Žечбур!*” приведено неправильное толкование смысла “*Žечбур!*”: “*Кöня пал вераськом та кылэз нунал çоже. Žечбур! Пуштроез солэн таçе: “Шудо-буро, тазалыко лу, адами! Мон тонэ гажасько, žечэз гинэ сйзисько*”. (с. 72).

Образование слова *зечбур* связано с повтором. Вторая часть в значении "хорошо, хороший" для современного удмурта уже неизвестна, однако близкородственный коми народ ее смысл еще знает и широко использует. Образование данного слова путем повтора, видимо, нужно связать с тем, что удмурты приветствуют друг друга этим словом вопросительной интонацией, что связано с повышением голоса. А интонацию повышения легче показать на двусловных образованиях, что приводит к повтору. Поэтому иногда в разговорной речи можно услышать и другие формы: *зечом-буром!* *зеч-а, бур-а!*

Для выработки культуроведческой компетенции в заданиях полезно бы использовать фольклорный материал.

Например, работаем со сказкой "Чечыен нянь". После чтения и перевода учащиеся сами отвечают на следующие вопросы:

"Кужмо луэ", "кужмо кариське" вераньёслы ма тупа зуч сямын?

Малы со вераньёсты выжсыкылын зечьяськонэз кадь возьматэмын?

Малы атаез пизэ дышетэм?

Пияш кытысь чечы шедьтэм?

Малы выжсыкыллэн "Чечыен нянь" нимыз?

А при знакомстве с родным краем можно взять следующие удмуртские пословицы и поговорки: *Вордскем шаер котькинлы мусо. Ас шаер кутске вордскем гуртысен. Мурт дуннеын пуны но мӧзме.*

При закреплении отдельных грамматических тем можно взять крылатые выражения удмуртских мастеров слова, перевести на родной язык учащихся и разобрать формы отдельных слов:

Со чужектэм куарьёсыз котькӧня ишка – все равно сӧзьылэз уд дугдыты (Г. Красильников).

Россиятэк өвӧл Удмурт шаер, нош мон понна Удмуртитэк Россия но өвӧл (Ф. Васильев).

Вамыштоно ке, мед кылӧз пытыы, вазиськоно ке, мед потоз куара (Д. Яшин).

Яратон со ачиз ӧтыытэк но лыктэ, яратон, пе, синтэм, нош шимӧс пеймытэ со тодма чик тылтэк (М. Петров).

Представляется, многие задания пособия И. В. Ганеева и Ю. А. Перевозчикова "Марым, лэся..." не нацелены для выражения языковой картины мира удмуртов. Даже отдельные из них запутаны. В книге под именем Кузьма представлен кот (см.: с. 18). Однако на с. 97 в 5 задании под 3-м номером даны два предложения: *Кузьма тисту йылысь усиз. Со кизэ чигиз. (-са, -ку)*. Во-первых, кот не имеет рук. Во-вторых, если кот и упадет с дерева, едва ли он сломает ноги. В-третьих, данные в скобках обе морфемы, в отличие от других примеров данного упражнения, не могут участвовать в образовании деепричастия, т. к. деепричастие с морфемой *-ку* семантически не может вписаться в данный контекст: *Кузьма тисту йылысь усъыку, кизэ чигиз*.

Некоторые вопросы в заданиях не нацелены и для закрепления грамматического материала, и для представления языковой картины мира удмуртов. Так при закреплении темы "Деепричастия" во 2 задании (с. 96) приведены два предложения для преобразования их в единое целое с деепричастным оборотом. Но по представленному образцу получается непонятное для уд-

муртов предложение: *Студентъёс, урок дасяськыса, кыльёслы дышетско.* Также в 6 задании (с. 97) дан необдуманый вопрос: *кема-а ведӱнъёс кужымзэс уг ышто?*

В пособии И. В. Ганеева и Ю. А. Перевозчикова "Марым, лэся..." хорошо отразились современные тенденции развития грамматики удмуртского языка: в заимствованных формах (*купеч, варення и т. д.*) присутствует фонетическое написание, стремлением избавления от русизмов в контекст вписались неологизмы *йӱкана* 'холодильник' (с. 55), *улонмадь* 'биография' (с. 91), однако в отдельных случаях оставлены русские эквиваленты: *страна* (с. 92), *Кама, Вятка* (с. 6), хотя последние формы в пособии имеются и в удмуртском варианте: *Кам, Ватка* (с. 124).

В пособии И. В. Ганеева и Ю. А. Перевозчикова "Марым, лэся..." приводятся варианты, исходящие из различных диалектов, но закрепившиеся в литературном языке: *милемды = милемыз, тӱледды = тӱледыз* (с. 63), также приводятся диалоги, где приветствия восходят как к североудмуртской форме (*Ӝечбур! – Умой*), так и к южноудмуртской (*Чырткем! – Умой*). Такая подача материала оправдана: эти формы равноправно присутствуют в удмуртском литературном языке. Однако от диалектных, ограниченных или даже искусственных форм следовало бы освободиться: *Ӝеч! Таза лу! Ӝечбур! Ӝеч* (с. 20–21), *Ӝечесь* (с. 38, 75); *Со тыныд жингыръя ини быдэс арня* (с. 80) – в литературном языке имеется форма *жингыртыны*, ее многократная форма должна быть в форме *жингыртылыны*.

Солэн сюлэмшугъёсыз вань (с. 90), существительное может использоваться только в форме ед. числа – *сюлэмшугез*.

При знакомстве с грамматическим материалом также приводятся неупотребимые формы *гуртьёсозь, гурезьёсозь* (с. 108).

Вместо литературной формы наречия *азыло* в работе неоправданно использованы *азыласянь* и *азылапал*: – *Озы бере, йӱнатскемды понна коньдон азыласянь ик тыре* (с. 70); *Азылапал асьтэ сярсыс гожтэт ыстыны куриськом* (с. 92).

Пыд кузятӱм кин ке тубе. В литературном языке используется форма послелого *кузям*.

Вместо формы творительного падежа в примере использована форма переходного падежа: *Поездэн мыныку, мобильной телефонэти жингыртыны курадӱоно* (с. 109).

В диалогах отражаются элементы национально-культурных особенностей речеобщения, они связаны с решением конкретной прагмазадачи взаимодействия с носителями языка в соответствии с нормативными стандартами традиционной стороны культуры.

Однако в некоторых случаях в диалоге допущены фактические ошибки. Так на с. 84 Таня говорит: *"Нош мон аслым бакча, машина но кузпал басьтысал на"* (если бы она была миллионером, купила бы еще себе огород, машину и мужа). В этом предложении допущены две ошибки: 1) в однородный ряд поставлены слова, представляющие неоднородные понятия, 2) по традиционной культуре удмуртов девушки не покупают себе мужа, а сами выходят замуж (*удмурт ныльёс бызё, соос кузпал уг басьто, нош тиос кышно басьто*).

В этом же пособии можно найти удачное предложение, подтверждающее нашу мысль: – *Орина, тон мыным бызёд-а?* (с. 66).

После диалогово-полилоговых форм упражнений, эффективных в обучении языковым и социокультурным стратегиям, следовало бы дать социокультурные комментарии с последующей интерпретацией и трансформацией.

Подводя итог, следует подчеркнуть, к сегодняшнему дню база для составления учебников для изучения удмуртского как неродного имеется. И я буду считать себя выполнившим свой долг, если мои наблюдения, замечания будут учтены составителями учебников следующего поколения.

Список литературы

Булычева Е. А. Тренировочные задания по развитию навыков устной речи (на материале удмуртского языка): Учебно-методическое пособие / УдГУ. Ижевск, 2007. 30 с.

Ганеев И. В., Перевозчиков Ю. А. Марым, лэся...: Удмурт кыл нырысь кутскись-ёслы. Дышетскон ёзэт. Ижевск: Удмуртия, 2005. 204 с.

Каракулов Б. И. Учимся удмуртскому языку: Учебное пособие / Глазов. гос. пед. ин-т. 2005. 44 с; 2-е изд., перераб. и доп. Глазов, 2007. 64 с.

Каракулов Б. И. Языковая политика в образовательной системе удмуртов и проблема отражения самобытности языка в удмуртских учебных пособиях // Проблемы подготовки педагога в системе непрерывного профессионального образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25–26 апреля 2007 г.). Глазов, 2007. С. 70–76.

Кондратьева Н. В., Федорова Л. П. Удмуртский язык: Начальный курс: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / УдГУ. Ижевск, 2006. 98 с.